

С. В. Тарханова

ОСНОВАНИЯ РИМСКИХ ПОСТРОЕК И СПОЛИИ В РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ ЦЕРКВЯХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ МЕЧЕТЯХ ТЕЛЯ ШИЛО (САМАРИЯ)*

Представляемое здесь исследование посвящено элементам архитектурного декора (базы, колонны, капители, перемычки, детали алтарных преград, декоративные рельефы, др.), которые были найдены в памятниках теля Шило в первичном (in situ), вторичном, третичном использовании или вне архитектурного контекста. Малая часть из них кратко опубликована, но большая их часть никогда не публиковалась и не анализировалась. Основная часть исследования включает в себя каталогизирование объектов, их обмеры, стилистический анализ и атрибуцию с предположительными датировками (данные работы уже частично проведены автором, материал неоднократно изучался натурно). Но прежде необходимо уточнить топографические особенности римского города, остатки ранних строений, дорог, из которых могли происходить детали, расположение ранневизантийских церквей с ориентацией на уже существующий контекст, чему и посвящена данная статья. Таким образом, здесь характеризуется эллинистический, римский контекст города, с последовательно вписанным в него ранневизантийским и раннеисламским, что до сих пор делалось лишь кратко и неполно.

Ключевые слова: тель Шило, Самария, римские дороги, церкви, мечети, капители, фусты колонн, базы, перемычки, алтарная преграда, перестройки, переход.

S. V. Tarkhanova

FOUNDATIONS OF ROMAN STRUCTURES AND SPOLIA IN EARLY BYZANTINE CHURCHES AND MEDIEVAL MOSQUES AT TEL SHILO (SAMARIA)

The present research is devoted to reporting on the recovery of architectural fragments in the Roman and Byzantine periods (bases, pedestals, shafts, capitals, lintels, chancel screen elements, decorative reliefs, etc.). They were found at the monuments of Tel Shilo in situ, in secondary, in tertiary use or out of the architectural context. Only a small part of them was published as part of the general reports on the excavations at Tel Shilo, which were conducted by Swedish and American expeditions and in the framework of regular works of the Civil Administration of Judea and Samaria (Dr. Aage Shmidt, Hans Kjær, Sven Holm-Nilsen, Marie-Louise Buhl, Flemming Gorm Andersen, Hananya Hizmi, Reut Livyatan ben Arie, Yodan Fleitman, et al.). Most of them (especially the fragments at the Basilica church, which I consider mainly Roman spolia) weren't published or ever analyzed, except in some very general works and in general photographs. Besides, several architectural fragments were found during the last years of the excavations. The main section of the research includes a catalog of the objects, their measurements, stylistic analysis, attribution with preliminary dating. This work was accomplished in part and is still ongoing. The objects were examined at the site, photographed against the scale, and measured. But before proceeding to this main part of the research, it is necessary to outline and to present the main Roman and Early Byzantine architectural context at Tel Shilo. It is impossible to discover the original derivation, function, actual date and style of the details without characterization of the monuments, for which they may have been originally executed. Thus, the present article is devoted mainly to the architectural context of the town, which is divided into three main periods with sub-phases: Late Hellenistic and Roman decumani with several smaller in their scale cardines, their rebuilding during the Late Roman period

* Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.2.19 «Архитектурный декор в Шило (Самария). Римский, ранневизантийский и раннеисламский периоды» (рук. С. В. Тарханова).

(enlarging of the western colonnade of decumanus in front of cardo), tower on the outer edges of the settlement; Early Byzantine Northern churches, baptistery and Basilica church, which were, by my theory, inserted into the earlier system of roads with the use of their foundations, stylobate and members (though plenty of Roman spolia were reused, liturgical furniture was especially imported for the churches); and finally — Early Islamic mosques (Jami' al Yetin, Jami' Arbain, Jami' es-Sittin), that were built on the place of the churches and inside the Roman tower with the use of all their elements (it seems that no special decorative elements were executed for mosques). It was done only in a brief and fragmentary manner before, without general systematization. The preliminary attempt to coordinate the known architectural details to their original architectural context is also presented here.

Keywords: *Tel Shilo, Samaria, Roman roads, churches, mosques, capitals, shafts, bases, lintels, chancel screen, rebuilding, transition.*

Тель Шило (Tel Shiloh, Khirbet Seilun) расположен в Самарии (Израиль), в 13 км на юго-восток от современного Ариэля, в 4,5 км на восток от древней римской дороги, ведущей из Иерусалима в Неаполис, между двумя долинами — Вади Али на севере и Вади Муса на юге. Он был идентифицирован в первой половине XIX в. как важное библейское место и религиозный центр периода раннего железа (Iron Age I), или иначе — в эпоху Судей (1150–1050 гг. до н.э.). Долгое время тель Шило был местом паломничества всех колен Израилевых по той причине, что здесь находился Ковчег Завета до тех пор, пока его не похитили филистимляне, предав огню и опустошению весь город (Нав. 18:1; Суд. 21:19; Иер. 7:12–14)¹. Библейская история теля богата событиями, описание которых заняло несколько монографий и множество статей, и в данной работе внимание будет уделено более позднему, классическому периоду.

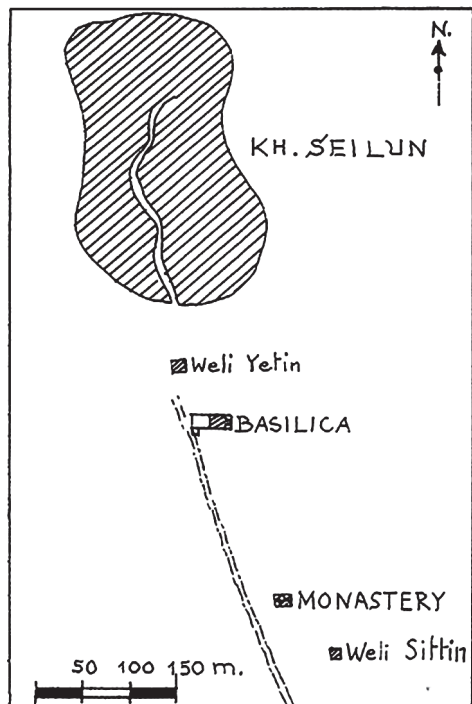
В римское и ранневизантийское время память о ветхозаветной значимости этого места все еще сохранялась и стала особенно актуальна в период созда-

ния и развития традиции христианских *loca sancta* на Святой земле. Именно тогда тель Шило стал часто посещаться христианским паломниками, было построено несколько церквей. Место фигурирует в многочисленных итинерариях IV–VI вв. н.э. Данный вопрос скрупулезно был разобран Й. Тсаффриром, Л. де Сегни, Дж. Грином, Б. Багатти, И. Магеном, Е. Арановичем². Изображение теля Шило с греческой подписью, которая переводится как «здесь был Ковчег», встречается на Мадабской карте VI в. Интересно, что паломники, побывавшие здесь, упоминают именно остатки разрушенного Ковчега или некоего еврейского святилища, но не церкви, за исключением скорее метафоричного, чем реального высказывания Иеронима Блаженного (конец IV в.): «С Христом на нашей стороне мы пройдем через Шило и Бетэль и через другие места, где церкви были построены как штандарты победы нашего Господа» (Ер. 46, 13, Pl. 22, 492)³. Город возродился после персидского и арабского нашествий VII в. По всей видимости, историческая память о библейском прошлом этого места не исчезает, о чем свидетельствуют упоминания мусульманских пилигримов, рассмотренные

¹ И в настоящее время тель Шило является одним из важнейших туристическо-паломнических объектов Самарии, который посещают тысячи иудейских паломников в год. Главными объектами их интереса являются два предположительных места, где мог находиться Ковчег Завета: на вершине холма и на его северном склоне.

² Петр Диакон (цитирует Эгерия, IV в.), Евсевий Кесарийский (IV в.), Иероним (IV в.), Феодосий (VI в.) (*Bagatti* 2002: 49–50; *Magen, Aharonovich* 2012: 161–165; *Tsafrii, Di Segni, Green* 1994: 232).

³ Пер. с англ. автора, по: *Bagatti* 2002: 48.

Ил. 1. Шило. План местности, с обозначением основных построек (Bagatti 2002: 49, Fig. 11; Conder, Kitchener 1881: 368)

в труде Б. Багатти довольно подробно (Bagatti 2002: 50). Обитание как таковое не прерывается с раннеисламского периода и вплоть до османского. Церкви перестраиваются в жилые дома или мечети. Когда в 1881 г. Кондер и Китченер впервые картографировали план местности и построек (Conder, Kitchener 1881: 368), поселение представляло собой обычную сельскохозяйственную деревню, населенную осевшими бедуинами (ил. 1). Вокруг мечетей были выстроены загоны для скота, о чем свидетельствуют ранние фотографии местности. Первые раскопки были проведены датскими археологами в 1922 г. (директор раскопок доктор А. Шмидт (Dr. Aage Shmidt)), но, к сожалению, часть полевых записей была утеряна; вышли в свет только пред-

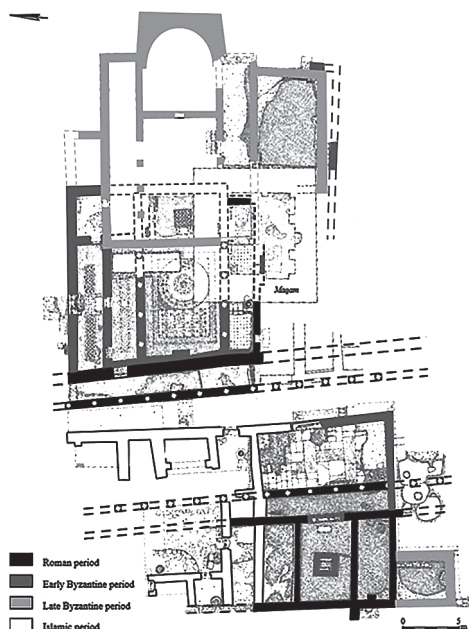
варительные отчеты. Затем в 20–30-х гг. XX в. в Шило снова работала датская экспедиция: три сезона 1926–1932 г. были проведены под руководством Шмидта и Г. Кейра (Hans Kjær); сезон 1963 г. — под руководством С. Холм-Нилсена и М.-Л. Буль (Sven Holm-Nilsen and Marie-Louise Buhl), поздние слои копались под руководством Ф.Г. Андерсена (Flemming Gorm Andersen). Раскопки возобновились в 1980 г. в рамках программы археологических разведок в земле колена Ефрема (Ephraim Hill country survey) и затронули как библейские, так и более поздние остатки, вплоть до мамлюков. В 1981–1984 гг. раскопками занимался университет Бар-Илана под руководством И. Финкельштейна (Israel Finkelstein), Ш. Бунимовича (Shlomo Bunimovitz) и Ц. Ледермана (Zvi Lederman) (Kempinski, Finkelstein 1993: 1364–1370). После длительного перерыва новые раскопки начались в 2000-х гг. на базе деятельности гражданской администрации Иудеи и Самарии (подразделение Министерства древностей) при участии ряда археологов. В настоящее время археологические работы ведутся под руководством Х. Хизми, Р. Ливятан-бен-Ариэ и Й. Флейтмана (Hananya Hizmi, Reut Livyatan ben Arie, Yodan Fleitman)⁴. Ежегодно в раскопках участвуют также археологические миссии из Америки. Нахождение в Шило Ковчега Завета остается наибольшим стимулом для дальнейших изысканий, к сожалению, в ущерб более поздним эпохам, в частности, ранневизантийской.

Поселения библейского времени (среднебронзовый период, период раннего железа) последовательно располагались на вершине теля, в то время как

⁴ В 2016 г. в раскопках удалось поучаствовать и автору этой статьи.

в эллинистический, римский и византийский периоды строения спускаются на его пологий южный склон. В I–II вв. н.э. появляется традиционная планировка улиц по гипподамовой системе. Ранее, кроме одной кардо, другие улицы не выделялись, поэтому полное описание сетки улиц будет приведено ниже в качестве выводов. Вершина тела с этого периода времени остается полузаброшенной, хотя, если судить по упоминаниям паломников, почитаемой в качестве библейской святыни.

Всего на теле было найдено четыре ранневизантийских церкви, все располагались на южном склоне (частично опубликованы уже в корпусе Овадия (данные до раскопок): *Ovadiah* 1970: 164–165). Северные церкви (ил. 2–3), построенные одна над другой (перестроены в мечеть Джами аль-Йетин (*Jami' al Yetin*)), вместе с рядом расположенным отдельно стоящим баптистерием

Ил. 2. План римской кардо, северных церквей, баптистерия (Magen, Aharonovich 2012: 162, Fig. 1)

Ил. 3. Общий вид северных церквей и мечети Джами аль-Йетин. Фото С. Тархановой, 2016 г.

Ил. 4. Общий вид баптистерия. Фото С. Тарханова, 2016 г.

(ил. 4), а также базиликальная церковь (перестроена в мечеть Джами Арбаин (Jami' Arbain))⁵ вписаны в эллинистиче-

⁵ Базиликальная церковь использовалась в качестве жилых пространств в ранне- и поздней исламские периоды; предположительно служила как мечеть Джами Арбаин (Jami' Arbain; пер. с араб. «мечеть сорока»). Внутри церкви было найдено два захоронения с неясной датировкой. Возникли после ее запустения. После раскопок 1932 г. Шмидт по условной реконструкции организовал на месте открытой им византийской церкви строительство новой, которая до сих пор остается используемой в качестве музея. По свидетельству Багатти, он возводил строение на свои собственные сбережения и какое-то время жил в Шило отшельнической жизнью (Bagatti 2002: 54). Во время Второй мировой войны базилика сильно пострадала, часть реконструкции, которая включала в себя византийские детали, была утрачена (см. довоенное фото: Bagatti 2002: Pl. 13.2). Затем в 1947 г. были украдены двери и крыша базилики, что привело к значительным утратам мозаики. О перестрой-

скую и римскую городскую застройку и частично ее используют. Паломническая церковь⁶ находится за пределами римского города, куда были традиционно вынесены разнообразные сельскохозяйственные производства (ил. 5); найден винодельческий пресс и другие производственные сооружения. Двойная мечеть Джами эс-Ситтин (Jami' es-Sittin; пер. с араб. «мечеть шестидесяти»), вероятно, изначально являлась римской крепостью и находилась на южных подступах к поселению (ил. 6).

как церквей Шило в мечети и их использовании в раннеисламский период см. Schick 1995.

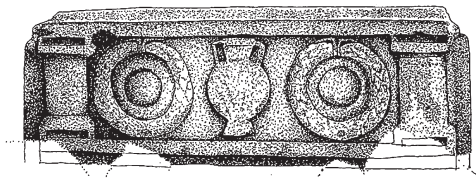
⁶ В настоящее время на месте паломнической церкви выстроен современный зал приемов, под которым скрыты все ранневизантийские остатки. Какого-либо декора этой однонефной церкви не сохранилось, кроме нескольких фрагментов мозаичного пола. Поэтому в статье ей будет уделено наименьшее внимание.

Ил. 5. Общий вид базиликальной церкви. Фото С. Тархановой, 2016 г.

Ил. 6. Общий вид Джамии эс-Ситтин. Фото С. Тархановой, 2016 г.

Ил. 7. Дверная перемычка из Джамии эс-Ситтин (Andersen 1985: 79, Fig. 26)

Багатти высказывал мысль о том, что одна из мечетей, включенных в общее строение Джамии эс-Ситтин, являлась синагогой III–IV вв. н.э. (Bagatti 2002: 50–51). Но никаких точных сведений, кроме некоей общей традиции, нет. В ней использованы архитектурные элементы (капители, базы, колонны), аналогичные тем, что найдены в базиликальной церкви, поэтому она также включена в описание. Ее знаменитая дверная перемычка, известная уже только по изображениям и старым фотографиям (украшена рельефной амфорой с двумя лавровыми венками по сторонам; утрачена), если судить по ее декору, могла быть римской спolieй, а не деталью синагоги, как принято считать (ил. 7).

Самые ранние из рассматриваемого отрезка времени архитектурные свидетельства относятся к рубежу эр. Незначительные остатки некоей ранней апсидальной постройки были частично использованы при строительстве находящейся к западу от них базиликальной церкви (ил. 8). Затем поселение, насколько можно судить по доступным на настоящий момент археологическим данным, остается заброшенным до конца III — начала IV в. н.э. Этим периодом датируются остатки римской кардо с двумя рядами колоннад и боковыми портиками (изначально крытыми), общей шириной 13,7 м. Дорога была открыта в 2010-х гг. при раскопках под руководством И. Магена и Е. Арановича. Выявленный участок

кардо ориентирован по оси северо-запад — юго-восток. Такое небольшое отклонение относительно абсолютной географической оси север — юг традиционно для ближневосточной архитектуры и обусловлено, скорее всего, ориентацией на зимнее солнцестояние при определении сторон света, а не на летнее. Полы портиков были украшены простыми мозаиками, набранными из крупных белых тессер. В северном портике от них сохранилось основание из мелких плотно уложенных камней, в южном сохранилась сама мозаика. Центральная часть дороги была вымощена крупными квадратами параллельно уложенных камней. Забегая вперед, скажем, что стилобаты этой кардо, самой широкой в городе, совпадают с шириной стилобатов не таких широких декуманосов: приблизительно 55–60 см в разных частях, в зависимости от размера самих квадратов. Археологами было замечено, что на отрезке южного стилобата сохранились углубления для плитов колонн (ил. 9). Дополняя их анализ, отметим, что плиты имеют необычную прямоугольную форму: их длина составляет 70–75 см, что приблизительно на 10–15 см превышает их ширину. Они были утоплены в стилобаты на несколько сантиметров, одна из границ для большей устойчивости вырезалась не по шву между квадратами, а с отступом на несколько сантиметров от него. Таким образом, квадратные плиты в данном случае должны были выступать за пределы стилобатов, на 5–7 см с каждой стороны. Такое несоответствие в размерах важных архитектурных элементов указывает на вторичное использование либо только стилобатов, либо и стилобатов, и баз, которые пытались подогнать друг к другу. Возможно также следующее объяснение. На стилобатах других улиц не сохранились подобные фиксирующие углубления. Это могло быть обусловлено тем, что

Ил. 8. Остатки ранних строений (эллинистический или раннеримский период, II–I вв. до н. э.) за апсидой базиликальной церкви. Фото С. Тархановой, 2016 г.

Ил. 9. Углубления на стилобатах для фиксации плитов. Фото С. Тархановой, 2016 г.

в других случаях размеры плитов были подходящими и дополнительная их стабилизация не требовалась. Таким образом, за счет увеличенного размера колонн пытались выделить особенную роль дороги или какого-то здания вдоль нее.

Также к римскому периоду Магеном и Арановичем были отнесены строения из трех залов (11,30 × 8,30 м), расположенных к западу от главной кардо и практически перпендикулярно ей (ил. 1, 4)⁷. Центральный из залов самый широкий (4,70 м), два боковых уже и практически симметричны друг другу (2,90 м, 2,60 м). По мнению археологов, три зала были отделены друг от друга стенными перегородками, центральный зал открывался в сторону кардо портиком (*Magen, Aharonovich* 2012: 194). Но обращает на себя внимание особенный пропорциональный строй «здания»: он соответствует обычной дороге со стилобатами и боковыми портиками, где ширина центральной части относится к боковым пролетам приблизительно как 5/3 или 3/2. Южная перегородка, вне всяких сомнений, являлась стилобатом. Северная стена также выстроена, скорее всего, на стилобате. Их ширина самая малая из всех известных в Шило: лишь 40 см. То есть перед нами, по всей видимости, небольшой декуманос, который примыкал к кардо с восточной стороны и был довольно коротким. В ранневизантийский период декуманос был превращен в баптистерий, с сохранением трехчастного деления внутреннего пространства и с использованием стилобатов в качестве основания стен. В центральном зале была построена купальня из продолговатых известняковых квадров, типичных для римской кладки. При строительстве баптистерия, помимо использования ма-

лого декуманоса, была застроена большая часть кардо, что значительно сократило эту главную городскую артерию, но не упразднило ее целиком.

Среди деталей, обнаруженных в районе баптистерия, можно отметить фрагмент арочной перемычки, украшенной фасциями, небольшую коринфскую капитель (скорее всего, византийскую; высота 0,40 м, нижний диаметр 0,20 м) и фрагмент абаки еще одной капители, украшенный двумя рядами шевронов (*ibid.*: 200, fig. 57, nos. 1, 4, 5).

К западу от декуманоса располагались две т.н. северные церкви — ранняя и выстроенная на ее основании поздняя (ил. 1, 3). Обе также были открыты Магеном и Арановичем. Квадратная мечеть Джамии аль-Йетин (10 × 9,6 м; обмер автора с использованием масштабной линейки), выстроенная на месте обеих церквей, включая южную галерею, частично была исследована в 1932 г. Г. Кейром. Ранняя северная церковь (19 × 18,50 м) проста по плану: это трехнефная базилика, восточная часть которой завершалась апсидой, а полы покрывались мозаичным декором. Это самый ранний из известных в Шило христианских памятников и, по данным эпиграфики, датируется началом V в.⁸ Предположение о том, что церковь была встроена в римский декуманос, до сих пор не высказывалось, но все детали на это указывают. Как и небольшой декуманос под баптистерием, он также ориентирован по оси восток — запад практически без отклонения, что создает неперпендикулярный угол пересечения с главной кардо. В целом пропорцио-

⁷ Отклонение от абсолютных сторон света не такое значительное, как в случае с кардо, т.е. линии практически точно совпадают с осью восток — запад.

⁸ По надписям, где упоминается епископ Севастии Евтоний, известный по участию в соборе в Лидде в 415 г., этим периодом датировали уже упомянутый баптистерий и т.н. раннюю северную церковь (*Segni Di* 2012: 213–214). Предположительно, первая строительная фаза баптистерия также относится к этому времени.

нальный строй римской дороги и базиликального строения оставался близким на протяжении всего римского и ранневизантийского периода, равно как и сам принцип простого разделения пространства на три зала за счет двух параллельных колоннад. По неясной причине поверхность дороги вместе с облицовкой и возможными мозаиками, а также вместе с верхней частью стилобатов была выбрана примерно на 60 см вглубь. Общий уровень ранних и поздних построек в этой части поселения был единообразен, и церковь на их фоне буквально утопает. Причины такого архитектурного решения, которое потребовало немало дополнительных усилий, не вполне ясны. Возможно, в практическом смысле хотели максимально использовать боковые стены портиков дороги: их остатки, оштукатуренные вместе с фундаментом из крупных камней, видны в самой церкви, а также под частично раскопанным полом в мечети. Фундаменты стилобатов из крупных необработанных камней были использованы в качестве новых стилобатов церкви. Западная стена церкви совпадает со стеной портика ранней кардо, а портик, который соединял кардо и декуманос, превращен в нартекс. Возможно, причины погружения церкви ниже общего уровня строений были идейными: верующие могли попасть в храм через вход с северной стороны или же с центральной дороги, ставшей гораздо уже после строительства баптистерия, но не в центральной неф, а в боковой, северный, который был на несколько сантиметров выше остальных нефов.

Поздняя северная церковь была построена в VI в. При этом ранняя церковь была полностью засыпана, а на ее месте выстроен атриум. Церковь VI в. имела форму трехнефной базилики, восточная часть которой завершалась выступающей апсидой, полукруглой с внутренней

Ил. 10. Место северной колоннады поздней северной церкви. Стилобат декуманоса, покрытый мозаикой. Фото С. Тархановой, 2016 г.

стороны и трапециевидной с внешней. С северной и южной стороны, были построены галереи, не по всей длине базилики. Размеры церкви были гораздо крупнее ранней: 34,50 × 14,00 м (включая атриум). К счастью новых строителей, большая часть стилобатов была нетронутой, что и было использовано в полной мере. В атриуме оставшиеся основания стилобатов были использованы для колоннад портиков. На то, что стилобаты храма относятся к более раннему периоду, указывают несколько непрактичных с архитектурной точки зрения решений, если учитывать только византийскую фазу. Так, по перепаду высоты мозаики заметно, что стилобаты непрерывны вдоль всей базилики (ил. 10).

Ил. 11. Основание из крупных булыжников и камней среднего размера под стилобатом декуманоса. Северная часть вимы поздней северной церкви. Фото С. Тархановой, 2016 г.

В наосе стилобаты были немного подпилены, сглажены и закрыты мозаичным полом в интерколумниях; только под колоннами были оставлены квадры, которые стали играть роль плитов. В восточной части базилики каменная кладка стилобатов открыта, но над северным стилобатом частично сохранились фрагменты мозаики, заползающие на нее, что указывает на то, что из-за перепада высот между квадратами стилобатов и мозаикой полов последние были просто утрачены (возможно, в процессе бытования церкви). Вима и апсида церкви сильно пострадали из-за последующих перестроек и другой активности на этом месте, поэтому стало возможным скрыть до скалы большую часть вимы и ее основания. В результате обнажилось глубокое двухслойное основание под стилобатами в виде мелких и затем крупных

необработанных камней (ил. 11). Более того, стилобаты продолжались и за пределы восточной стены базилики далее на восток, что частично использовалось при устройстве стен апсиды. Ради сужения ее боковых стен стилобаты и их основания были частично разобраны, хотя общее направление сохранилось. В результате апсида приобрела полигональную форму с внешней стороны. Общая ширина стилобатов декуманоса совпадает с шириной стилобатов главной кардо (55–60 см), но углублений на декуманосе, в отличие от кардо, не заметно. Скорее всего, в этом случае базы были подходящего размера.

В районе баптистерия и северных церквей сохранились по крайней мере три базы, которые по своим профилировкам похожи на позднеримские: большая тосканская база, с размером плит-

та 0,71 м по каждой из боковых сторон (общая высота 0,40 м, диаметр верхнего профиля 0,57 м) (Magen, Aharonovich 2012: 200–201, Fig. 57.2); две аттические базы, с размером плитов 0,61 м в первом случае (находится в северо-западной части церкви; не опубликована (ил. 12)) и 0,41 м во втором. Последняя использована в мечети в качестве капители; не опубликована (ил. 13). Еще одна база совершенно особенная: она имеет редкие октагональные очертания высокого пьедестала, с диаметром описанной окружности 0,40 м (длина грани 0,20 м, общая высота 0,70 м) (Ibid.: 200–201, Fig. 57.3). Считается, что она могла быть основанием небольшого языческого алтаря. Из всех упомянутых баз только одна аттическая соответствует по своим размерам найденным в церкви римским стилобатам и, видимо, была изначально изготовлена специально для него. В то время как малая аттическая база по своим размерам соотносится со стилобатами декуманоса под баптистерием.

Среди византийского декора, который был специально изготовлен для церкви (скорее всего, именно для этой) следует отметить два мраморных столбика, типичных для алтарных преград. Они были использованы в мечети Джами аль-Йетин для оформления михраба (фланкируют нишу). Интерьер мечети с двумя данными столбиками был зарисован в 1926 г. К. Кристенсеном (С. Christensen) и переиздан Андерсеном в 1985 г.⁹ В 2016 г. во время раскопок Аббасидского дома к югу от северной церкви был найден еще один аналогичный столбик, а также часть мраморной круглой колонны, нижняя треть которой была украшена слепыми канелюрами, а верхняя — диагональными. Последняя деталь типична для

⁹ Западный столбик на этом рисунке выломан и находится на полу, в настоящее время занял свое место в михрабе.

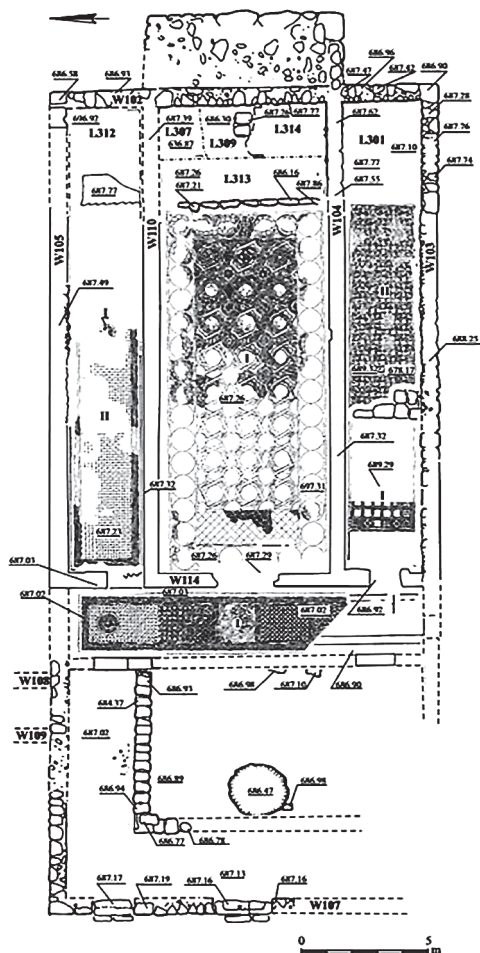

Ил. 12. Аттическая база из поздней северной церкви. Фото С. Тархановой, 2016 г.

Ил. 13. Аттическая база, использованная в качестве капители в мечети Джами аль-Йетин. Фото С. Тархановой, 2016 г.

конструкции кивория в церквях. Круглая известняковая колонка, увенчанная стилизованной лотусовидной капителью, могла принадлежать престолу церкви (высота 0,36 м, капитель 0,115 × 0,10 м). Часть мраморной панели, украшенная равносторонним крестом, скорее всего, также относилась к алтарной преграде

Ил. 14. План базиликальной церкви (Dadon 2012: 224, Fig. 1)

(0,36 × 0,33 × 0,06 м) (*Ibid.*: 201–202, fig. 59). Размеры вимы поздней северной церкви достаточно велики, чтобы там мог находиться киворий. Помимо этого, в Джамии аль-Йетин были вторично использованы фрагменты перемычек, украшенные в одном случае крестом в медальоне в виде лаврового венка (диаметр 0,25 м), в другом случае — крестом, вписанным в круг (диаметр 0,20 м; оба креста сбиты) (*Ibid.*: 201, fig. 58). В дверном проеме мечети

в качестве пяты арки была использована пирамидальная база, напоминающая римский или ранневизантийский декор дверных проемов набатейских городов.

Базиликальная церковь была раскопана в 1932 г. Шмидтом (шурфы были сделаны в 1929 г.) (Anderson 1985: 54). Материалы раскопок были лишь предварительно опубликованы, включая план базилики и описание находок. Все полевые записи погибли во время пожара. Вероятнее всего, более или менее подробная часть, посвященная базиликальной церкви в отчете Андерсена, основана на неполной публикации Шмидта и не включила в себя даже то, что было доступно на тот момент. В ней не учитываются многие архитектурные и скульптурные детали, в то время как описываются находки буквально первых дней раскопок: могилы или поздние дома, найденные в верхних слоях над церковью (*Ibid.*: 49–55). В 2010-х гг. Р. Ливятан-бен-Ариэ провела еще несколько сезонов, во время которых были открыты атриум и южная часовня, примыкающие к базилике (материалы не опубликованы). Статья 2012 г. М. Дадона посвящена в основном мозаикам церкви, их декору и стадиальности. Опубликованный им план базилики (ил. 14) в настоящее время уже устарел (Dadon 2012: 224, fig. 1). Новый план, который учитывает две фазы строительства церкви, уже зарисован (худ. Ф. Портнов) и ждет своей публикации.

В плане базиликальная церковь представляет собой трехнефный зал (24,90 × 15,40 м), с примыкающими к нему с западной стороны нартексом и атриумом, с южной стороны — галереей со встроенной в нее часовней. Конструкция апсиды, завершающей базилику с востока, на первой строительной стадии неясна, в то время как на второй стадии новая апсида была существенно вынесена на восток по отношению к предыдущей

(размеры этой части: 3,55 × 7,80 м), боковые нефы удлинены и их восточные части превращены в пастофории¹⁰. Церковь приблизительно отнесена к середине VI в., с последующей перестройкой (Andersen 1985: 50) (т.е. она единовременна поздней северной церкви).

Нет сомнений, что и эта церковь была выстроена на основании еще одного декуманоса. Ширина нефов, как боковых, так и центральных, а также ширина стилобатов в обеих церквях практически точно совпадают: ширина нефов 2,4 × 6,63 × 2,4 м (поздняя северная), 2,7 × 6,65 × 2,7 м (базиликальная); ширина стилобатов 0,55–0,60 м. Стены второй апсиды базиликальной церкви, выступающей восточнее первой, были несколько сужены относительно ширины центрального нефа, что потребовало разборки стилобатов, как и в северной церкви. Однако два хорошо уложенных квадрата, которые сохранились на юго-восточном углу апсиды, свидетельствуют о продолжении стилобатов и на восток от строения базилики. Соответственно, были разобраны при ее строительстве.

В базиликальной церкви было найдено наибольшее число римских споллий. Мнение о том, что сохранившиеся там детали были вторично использованными, высказал уже Андерсен, заметив несоответствие в размерах стилобата и базы (*Ibid.*: 51). Также Андерсен упоминает один фуст колонны и одну коринфскую капитель. О том, что уже во времена Андерсена (1960–1980-е гг.) реальное количество деталей было больше, свидетельствует описание Багатти, приведенное им после посещения Шило в 60-х гг. XX в. (*Bagatti* 2002: 52–54). В таком виде детали были установлены сразу после реставрации базилики в 1930-х гг. Так-

же Андерсен сообщает о вторичном использовании частей колонн и полусотни мелких фрагментов коринфских капителей в поздних строениях на месте церкви.

Сейчас в церкви хранятся фрагменты двенадцати фустов колонн, двенадцать аттических баз и две коринфские капители. Все они вырезаны из грубой породы известняка с кремниевыми брекчиями. Часть аналогичных фустов, а также две идентичные капители находятся в Джами эс-Ситтин, и уже Андерсен предположил, что они были взяты из церкви для строительства мечети (описал только одну капитель и одну колонну).

Все двенадцать баз единообразны по набору профилировок и размеру. Примечательно, что он пишет лишь об одной базе, которая была найдена *in situ* на стилобате, хотя в настоящее время в церкви их находится двенадцать. И хотя размеры, по крайней мере, стороны квадратного плинта (0,72 м) и его высота (0,23 м) совпадают с размерами одного из двух типов баз (обмер автора), описание самой базы не совпадает ни с одним из них. Андерсен описал базу, которую можно отнести к тосканскому ордеру: на плинт опирался один торус и нижний барабан колонны, все вырезаны из одного куска камня¹¹. Все же двенадцать баз церкви относятся к аттическому ордеру. По своей морфологии они одинаковы и состоят из нижнего квадратного плинта¹² и двух торусов со скоцией между ними в верхней части. Но общие размеры баз и пропорции

¹¹ Общая высота торуса и барабана колонны по Андерсену — 0,20 см. Высота двух торусов и скоции между ними реальной базы 0,24 см.

¹² С I в. н.э. чаще всего плинт и база вырезались из одного куска камня, что упрощало согласование пропорционального соотношения высоты базы и колонны (по Витрувию высота колонны относилась к базе как 5/6).

¹⁰ Данная часть церкви оказалась за пределами реконструированного в 1930-х гг. здания.

Ил. 15. Аттическая база из базиликальной церкви. Первая группа. Фото С. Тархановой, 2016 г.

Ил. 16. Аттическая база из базиликальной церкви. Вторая группа. Фото С. Тархановой, 2016 г.

их профилировок отличаются, поэтому двенадцать баз могут быть разделены на две группы, по шесть артефактов в каждой. По своим пропорциям и профилировкам предметы обеих групп отличаются от классических римских образцов и являются произведениями местных мастерских позднеимперского периода.

В первой группе (ил. 15) базы крупнее и общие пропорции более тяжеловесны за счет того, что филлеты между торусами и скоцией очень тонкие, как

бы сдвоенные; вместо того, чтобы быть вертикальными, они диагональны в продольном разрезе. В то же время сами профилировки вырезаны очень деликатно. Верхний торус практически плоский и совпадает по своему диаметру как с верхней частью базы, так и со скоцией (0,54–0,55 м), в то время как в классических образцах он полукруглый и выступает за пределы скоции. Соответственно, и нижний диаметр колонны, опиравшейся на базу, был идентичным. Профилировка нижнего торуса (диаметр 0,61 м) не симметрична; вместо более привычных очертаний как бы «стекающего», он, скорее, «взбит кверху», т.е. самый широкий диаметр торуса находится не в нижней его части, а в верхней. Плинты имеют ширину 0,71–0,72 м и выступают с каждой из сторон стилобата на 5–7 см. Общая высота данных баз 0,48 м, высота плинты 0,24 м, высота базы 0,24 м, т.е. при вырезании базы кусок камня был поделен между плинтом и верхней частью поровну.

Вторая группа баз (ил. 16) не такая крупная по своим общим размерам, пропорции профилировок более грубые. Филлеты между торусами и скоцией широкие, артикулированные, вертикальные в продольном разрезе. Верхний торус в данном случае идентичен по своему диаметру с верхней частью базы (0,48 м), но скоция более классична по своим пропорциям и ее диаметр меньше (0,45–0,46 м). Диаметр нижнего торуса 0,585 м. Общая высота данной группы баз 0,43 м, высота плинты 0,18 м, высота базы 0,25 м. Плинты имеют ширину 0,69–0,695 м и выступают с каждой из сторон стилобата на 3–5 см. Таким образом, и данные базы тоже были вторично использованы в церкви, но взяты из какого-то другого строения в городе. Вероятнее всего, первая группа баз более поздняя, чем вторая, т.к. в ней боль-

Ил. 17. Фуст колонны в базиликальной церкви, найденный во вторичном использовании в качестве порога. Фото С. Тархановой, 2016 г.

ше отступлений от классического канона аттического ордера.

Таким образом, наряду с еще одной тосканской базой из северной церкви (см. выше), первая группа баз из базиликальной церкви соответствует своими размерами углублениям на стилобате главной кардо и, скорее всего, оттуда и происходит. При том что плинты и там выступали на 5–7 см с каждой из сторон стилобатов, они были практически точно зафиксированы в углублениях по продольным своим осям. Происхождение второй группы баз неясно.

Из всех фустов колонн только один сохранился в полную свою высоту (использован в качестве порога в исламский период в южном боковом нефе церкви). Андерсен пишет о двух фрагментах одной колонны, общая высота которых насчитывала 3,10 м. По его

предположению, оригинальная высота колонны достигала 4,50 м (Andersen 1985: 51). Вслед за Андерсеном, Дадон повторил данный размер, который был обозначен как приблизительный, в качестве окончательного размера всех колонн (Dadon 2012: 225). По моим же наблюдениям, оба куска колонны соединяются в целый фуст без дополнительных фрагментов, и общая их длина составляет 3,50 м (ил. 17). Верхняя часть колонны оформлена астрагалом, или апофигом (арорфуге superior; общая его высота 8 см) в виде двух уплощенных профилировок с разными диаметрами (0,55 м нижний, 0,57 м верхний; сама колонна в верхней части до апофига — 0,53–0,54 м). Нижняя часть оформлена также апофигом (арорфуге inferior; общая его высота 9 см) в виде одного плоского профиля (диаметр 0,57–0,58 м; сама колонна

Ил. 18. Коринфская капитель из мечети Джамии эс-Ситтин. Фото С. Тархановой, 2016 г.

в верхней части до апофига — 0,54–0,55 м). Хотя при осмотре кажется, что колонна имеет признаки энтазиса, обмеры доступных частей показывают, что энтазис отсутствует, что апофиги были вырезаны из одинаковых по высоте и ширине «ошейников», а весь фуст имел равномерный диаметр во всех своих частях. Некоторые из остальных фрагментов фустов также имеют следы апофигов, как верхних, так и нижних, идентичных по своим размерам монолитной колонне. По своим размерам фусты колонн шире обеих групп баз на 3–10 см и с трудом с ними соотносятся. Хотя некоторая допустимая несоразмерность как баз, так и самих фустов позволяет предположить (нужно учитывать, что обмеры были проведены только на одних образцах из многих), что колонны могли все-таки соотноситься с базами первой группы и, таким образом, происходить из портика позднеримского кардо.

Две коринфские капители, находящиеся в базиликальной церкви, а также две капители из мечети Джамии эс-Ситтин идентичны по декору и, несомненно, были созданы для одного здания и в один период времени (ил. 18). Хотя размеры

их не вполне совпадают, равно как и отдельные детали встречаются не на всех капителях (например, флеврон на одной из волют капители в мечети), но другие более выдающиеся и примечательные стилистические признаки объединяют их в одну группу, с допустимым в рамках позднеантичного стиля *varietas* разнообразием. Нижний диаметр капители приблизительно 0,41 м (обмер автора), но он варьируется, так же как и другие размеры, от одной капители к другой. Эхин коринфских капителей традиционно украшен двумя рядами аканфа (общая высота эхина 0,475 м, высота двух рядов аканфа 0,365 м). Характер листьев натуралистичный, центральный стебель мягкий и широкий, между собой листья соединяются по типу аканфа-маски. Листья плотно прилегают к стволу. Необычно оформление верхней части капителей. Абака (общая высота 0,15 м, ширина 0,75 м) и ее флевроны, а также волюты представлены в не до конца обработанном виде. В то же время от внутренних завитков оставлены лишь полукруглые рудименты, а на их месте вырезан еще один ряд малых аканфовых листьев. Параллелей подобному решению найти не удалось, кроме капители, вторично использованной в одной из поздних церквей Таййбе, расположенной недалеко от Шило (*Bagatti* 2002: Pl. 8.2). Подобное же решение встречается в оформлении верхней части капителей с т.н. «развевающимся» аканфом в храме Св. Симеона в Калат Симане. По своей стилистике капители в Шило относятся к III–IV вв. (предварительная датировка). По своим размерам капители не соответствуют известным фустам колонн, но нижний диаметр приблизительно равен диаметру одной из баз, которая использована в мечети Джамии аль-Йетим. Возможно, что данные капители украшали колонны малого декуманоса, на котором был выстроен баптистерий.

Таким образом, в неполном еще виде, но четко вырисовываются остатки планировки римского города, который предшествовал византийскому поселению и плавно в него трансформировался. Значительные остатки раннеримского периода могут свидетельствовать о том, что телль Шило посещался иудейскими паломниками периода Второго Храма. Остатки позднеимперского времени свидетельствуют о возрождении телль Шило в III–IV вв. после ряда римско-иудейских войн, о возобновлении городского строительства. Судя по стилистике архитектурных деталей, а также по тому, что все они вырезаны из местных пород камня, работа осуществлялась в местных мастерских, которые во время общего кризиса III в. н.э. только усиливались за счет отсутствия конкуренции с более крупными мастерскими имперского уровня. На южных подступах к Шило была выстроена крепостная башня. В самом городе уже в раннеримский период возникла сетка улиц, которая была впоследствии развита и достроена. К главной широкой кардо сходились по крайней мере три декуманоса. Обе ранневизантийские церкви построены на остатках декуманосов одинакового размера (восточная сторона кардо), а баптистерий — чуть более узкого (западная сторона кардо). Подобное использование существующих римских дорог с колоннадами заставляет вспомнить единовременную «Церковь в пропиляях» в Герасе, выстроенную также с использованием декуманоса. Для декора церквей были использованы римские колонны, со всеми их элементами, как то: базы, фусты и капители. Удалось проследить происхождение некоторых из них из той или иной части кардо или декуманосов. Базы трех основных размеров соответствуют размерам известных стилобатов. Колонны соотносятся с первой группой баз из базиликальной церкви и могли

украшать портик перед западным декуманосом (перестроен в баптистерий). Коринфские капители соотносятся с базой, использованной в мечети Джамии аль-Йетим, и могли происходить из колоннад малого западного декуманоса. Наряду со споллиями, при строительстве церкви применялись специально изготовленные детали. Некоторые из них были вырезаны из местного светлого известняка с желтоватым оттенком, другие — привезены из проконнесских мастерских по вновь налаженным в конце IV — VI в. торговым артериям. Теплый тон известняка изящно сочетался с деталями из невиданного прежде в Шило проконнесского мрамора холодного серого оттенка. Но в целом интерьер строился на тонких переливах светлых цветов. Подобный синтез местных римских деталей с привозными и универсальными византийскими создает совершенно неповторимый облик ранневизантийского храма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Andersen* 1985 — *Andersen F.* Shiloh. The Danish Excavations at Tall Sailun, Palestine in 1926, 1929, 1932 and 1963 II: The Remains from the Hellenistic to the Mamluk Periods. Copenhagen: The National Museum of Denmark, 1985.
- Bagatti* 2002 — *Bagatti B.* Ancient Christian Villages of Samaria. Jerusalem: Franciscan Printing Press, 2002.
- Buhl, Svend* 1969 — *Buhl M.-L., Svend H.-N.* Shiloh — The Danish Excavations at Tall Sailun, Palestine, in 1926, 1929, 1932 and 1962: The Pre-Hellenistic Remains. Copenhagen: The National Museum of Denmark, 1969.
- Conder, Kitchener* 1881 — *Conder C., Kitchener R.* The Survey of Western Palestine: memoirs of the topography, orography, hydrography, and archaeology. Vol. 2: Sheets VII–XVI. Samaria / eds. E. H. Palmer, W. Besant. London: Committee of the Palestine exploration fund, 1881.
- Dadon* 2012 — *Dadon M.* The "Basilica Church" at Shiloh // Christians and Christianity III —

- Churches and Monasteries in Samaria and Northern Judea / ed. N. Carmin. Jerusalem: Staff Officer of Archaeology — Civil Administration of Judea and Samaria, Israel Antiquities Authority, 2012. P. 223–234.
- Kempinski, Finkelstein 1993 — Kempinski A., Finkelstein I. Shiloh // The New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land / eds. E. Stern et als. Jerusalem: Israel Exploration Society, 1993. P. 1364–1370.
- Magen, Aharonovich 2012 — Magen Y., Aharonovich E. The Northern Churches at Shiloh // Christians and Christianity III — Churches and Monasteries in Samaria and Northern Judea / ed. N. Carmin. Jerusalem: Staff Officer of Archaeology — Civil Administration of Judea and Samaria, Israel Antiquities Authority, 2012. P. 161–209.
- Ovadiah 1970 — Ovadiah A. Shiloh: Kh. Seilün // Corpus of the Byzantine Churches in the Holy Land. Bonn: P. Hanstein, 1970. P. 164–165.
- Schick 1995 — Schick R. The Christian Communities of Palestine from Byzantine to Islamic Rule: A Historical and Archaeological Study. Princeton, New Jersey: Darwin Press. 1995.
- Segni Di 2012 — Segni Di L. Greek Inscriptions from the Early Northern Church at Shiloh and the Baptistry // Christians and Christianity III — Churches and Monasteries in Samaria and Northern Judea / ed. N. Carmin. Jerusalem: Staff Officer of Archaeology — Civil Administration of Judea and Samaria, Israel Antiquities Authority, 2012. P. 209–222.
- Tsafir, Di Segni, Green 1994 — Tsafir Y., Di Segni L., Green J. Tabula Imperii Romani — Iudaea-Palaestina: Eretz Israel in the Hellenistic, Roman and Byzantine periods. Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities, 1994.
- Andersen F. *Shiloh. The Danish Excavations at Tall Sailun, Palestine in 1926, 1929, 1932 and 1963 II: The Remains from the Hellenistic to the Mamluk Periods*. Copenhagen: The National Museum of Denmark Publ. 1985.
- Bagatti B. *Ancient Christian Villages of Samaria*. Jerusalem: Franciscan Printing Press Publ., 2002.
- Buhl M.-L., Svend H.-N. *Shiloh — The Danish Excavations at Tall Sailun, Palestine, in 1926, 1929, 1932 AND 1962: The Pre-Hellenistic Remains*. Copenhagen: The National Museum of Denmark Publ., 1969.
- Conder C., Kitchener R. *The Survey of Western Palestine: memoirs of the topography, orography, hydrography, and archaeology. Vol. 2: Sheets VII-XVI. Samaria*. Ed. E.H. Palmer, W. Besant. London: Committee of the Palestine exploration fund Publ., 1882.
- Dadon M. The "Basilica Church" at Shiloh. *Christians and Christianity III — Churches and Monasteries in Samaria and Northern Judea*. Ed. N. Carmin. Jerusalem: Staff Officer of Archaeology — Civil Administration of Judea and Samaria, Israel Antiquities Authority Publ., 2012. Pp. 223–234.
- Kempinski A., Finkelstein I. Shiloh. *The New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land*. Eds. E. Stern et als. Jerusalem: Israel Exploration Society Publ., 1993. Pp. 1364–1370.
- Magen Y., Aharonovich E. The Northern Churches at Shiloh. *Christians and Christianity III — Churches and Monasteries in Samaria and Northern Judea*. Ed. N. Carmin. Jerusalem: Staff Officer of Archaeology — Civil Administration of Judea and Samaria, Israel Antiquities Authority Publ., 2012. Pp. 161–209.
- Ovadiah A. Shiloh: Kh. Seilün. *Corpus of the Byzantine Churches in the Holy Land*. Bonn: P. Hanstein Publ., 1970. Pp. 164–165.
- Schick R. *The Christian Communities of Palestine from Byzantine to Islamic Rule: A Historical and Archaeological Study*. Princeton, New Jersey: Darwin Press. 1995.
- Segni Di L. Greek Inscriptions from the Early Northern Church at Shiloh and the Baptistry. *Christians and Christianity III — Churches and Monasteries in Samaria and Northern Judea*. Ed. N. Carmin. Jerusalem: Staff Officer of Archaeology — Civil Administration of Judea and Samaria, Israel Antiquities Authority Publ., 2012. Pp. 209–222.
- Tsafir Y., Di Segni L., Green J. *Tabula Imperii Romani — Iudaea-Palaestina: Eretz Israel in the Hellenistic, Roman and Byzantine periods*. Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities Publ., 1994.